

ТРАКТОВКА «ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ» В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Людвиг фон МИЗЕС
(1881—1973)

Аннотация

В данной статье классик экономической науки Людвиг фон Мизес анализирует представления о рациональности и иррациональности, бытующие в экономической и других общественных науках. Он подвергает критике распространенную трактовку рациональности человеческих действий как их безошибочности, а также отождествление рациональности с мотивацией действия исключительно «материальными» потребностями и интересами. Кроме того, в статье изложены идеи Мизеса по широкому кругу вопросов в сфере методологии и эпистемологии экономики и других общественных наук.

Ключевые слова: праксеология, австрийская экономическая школа, рациональность, иррациональность, теория и история, понимание, эпистемология экономики, эпистемология общественных наук.

JEL: A10, A13, B25.

Mises L. von. The Treatment of "Irrationality" in the Social Sciences // Money, Method and the Market Process. Norwell, MA: Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 16—36. (Впервые опубликовано в Philosophy and Phenomenological Research. 1944. Vol. 4. No 4. P. 527—553.)

Перевод с английского С. Сазонова. Русский перевод планируется к публикации в книге: Мизес Л. фон. Эпистемология и методология экономической теории. М.; Челябинск: Социум, [2016].

Оіковочіа • Політка

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΡΟΛΙΤΙΚΑ

I

Одним из проявлений нынешнего «бунта против разума» стало обыкновение считать недостатком общественных наук то, что они исключительно рациональны. Жизнь и реальность иррациональны, говорят критики; совершенно неправильно исследовать их так, как если бы они были рациональны и открыты для интерпретации с помощью рассуждения. Рационализм сосредоточен на второстепенных вопросах; его познавательный процесс поверхностен, и ему не хватает глубины. Абсурдно загонять в сухие рациональные схемы и безжизненные абстракции «бесконечное» разнообразие жизненных явлений. Наука об иррациональном и иррациональная наука — вот что необходимо.

Главная мишень этих нападок — теоретическая наука о человеческой деятельности — праксеология — и ее наиболее разработанная к настоящему времени часть — экономическая теория, или каталлактика. Но, кроме того, они направлены и на такую дисциплину, как история.

Следует понимать, что эта буря была вызвана политическими мотивами. Политические партии и группы давления, программы которых не выдерживают критики, основанной на беспристрастном рассуждении, хватаются за

этот предлог как за последнюю соломинку. Но наука не может отбросить то или иное возражение лишь на основании мотивов, которые к нему побудили; она не может заранее считать критику безосновательной лишь потому, что некоторые из ее сторонников движимы партийными предубеждениями. Она обязана отвечать на любое возражение — независимо от лежащих в его основе мотивов или его происхождения.

Традиция оспаривания разума и рациональности началась не в Германии. Как и все прочие социальные доктрины и философские течения, она возникла в Западной Европе. Но лучше всего она прижилась на немецкой почве. Долгое время она была официальной доктриной прусских университетов. Эта традиция сформировала современную немецкую ментальность, и нацистские философы с гордостью называли ее «немецкой социальной философией». Немецкие *Staatswissenschaften** полностью отметали экономическую теорию как фальшивый продукт британского и австрийского ума, а немецкие историки с пренебрежением относились к достижениям западной историографии. Однако мы не должны забывать, что многие поколения немецких философов и историков добились блестящих успехов, разрабатывая эпистемологические проблемы истории¹. Разумеется, людям, которым мы обязаны этим вкладом, не нашлось места в пантеоне современной Германии.

Было бы логично начать исследование, посвященное проблемам «рациональности» и «иррациональности», с точного определения этих двух терминов. Но выполнить это законное требование невозможно. Отличительной чертой возражений, с которыми нам приходится иметь дело, как раз и является то, что термины в них используются расплывчато и двусмысленно. Они прямо отвергают определенность и логическую строгость как непригодные средства постижения жизни и реальности, намеренно прибегая к туманным выражениям. Их цель — достижение не ясности, а глубины (*Tiefe*). Они гордятся туманностью и метафоричностью своей речи.

Проблема, которую нам предстоит рассмотреть, заключается в следующем. Верно ли, что применение логически последовательных рассуждений увело общественные науки с истинного пути? Следует ли нам заняться поиском иных подходов, нежели те, что нам предлагаются логическим мышлением и историческим опытом?

II

Общественные науки изучают человеческую деятельность. История изучает прошлые события, представляя их с акцентом на те или иные аспекты. Она включает собственно историческую науку, филологию, этнологию; разделом истории является антропология в той мере, в какой она не пересекается с биологией, а также психология — в той

* Науки о государстве (*нем.*). — *Прим. ред.*

¹ Критическое изложение этих теорий см. в: [Parsons, 1937; Aron, 1954].

мере, в какой она не является ни физиологией, ни эпистемологией, ни философией. Экономическая история, описательная экономическая наука и экономическая статистика, разумеется, представляют собой часть истории. Термин «социология» используется в двух различных значениях. Описательная социология исследует те исторические явления в человеческой деятельности, которые не рассматриваются описательной экономикой; в какой-то степени она охватывает сферы, на которые претендуют этнология и антропология. В то же время общая социология подходит к историческому опыту с несколько более универсальных позиций, чем другие разделы истории. Например, собственно история (историческая наука) изучает отдельный город или города определенного периода, или отдельных людей, или определенную местность. Напротив, Макс Вебер в своем главном трактате писал о городе вообще, то есть обо всем историческом опыте, касающемся городов, не ограничивая себя историческими периодами, местностями, отдельными людьми, народами, расами и цивилизациями². Предметом всех исторических наук является прошлое — они не могут научить нас ничему, что было бы верно для всей человеческой деятельности, в том числе и для будущей.

Естественные науки тоже исследуют прошлые события. Разумеется, любой опыт — это опыт чего-то прошедшего; не существует опыта будущих событий. Но опыт, которому естественные науки обязаны всеми своими достижениями, — это экспериментальный опыт, в котором различные элементы изменений могут наблюдаться изолированно. Факты, собранные таким способом, могут быть использованы для индукции, особого метода вывода, который доказал свою полезность, хотя его эпистемологические и логические ограничения по-прежнему остаются нерешенной проблемой.

Опыт, с которым приходится иметь дело общественным наукам, — это всегда опыт сложных явлений. Они открыты для различных интерпретаций. Они не предоставляют нам таких фактов, которые можно было бы использовать тем же способом, каким естественные науки используют результаты своих экспериментов для предсказания будущих событий. Они не могут использоваться как строительный материал для построения теорий.

Праксеология — теоретическая и систематическая, а не историческая наука. Ее областью является человеческая деятельность как таковая, вне зависимости от среды и случайных обстоятельств, в которых происходят конкретные действия. Она нацелена на получение знания, справедливого для всех случаев, условия которых в точности соответствуют ее предпосылкам и логическим выводам. Обмениваются ли люди товарами напрямую, используя бартер, или косвенно, используя средство обмена, — это вопрос конкретных институциональных условий, на который может ответить только история. Но где бы и когда

² [Weber, 1958]. — *Прим. ред. англ. изд.*

бы ни использовалось средство обмена, в отношении производимых таким образом актов обмена верны все законы денежной теории³.

В задачи этой статьи не входит выяснение того, что делает возможной такую науку, как праксеология, каков ее логический и эпистемологический характер и какие методы она использует. Изучением эпистемологических проблем общественных наук долгое время пренебрегали. Даже такие авторы, как Дэвид Юм, архиепископ Уотли, Джон Стюарт Милль и Стэнли Джевонс, которые сами были выдающимися экономистами, в своих работах по логике и эпистемологии рассматривали только естественные науки и не обращали внимания на особый характер наук о человеческой деятельности. Эпистемология общественных наук является самой молодой областью знания. Более того, большинство работ в этой сфере рассматривает историю; существование теоретической науки долгое время полностью игнорировалось. Новаторские работы Нассау Уильяма Сениора и Джона Кэрнса стали приносить плоды лишь в последнее время⁴. Экономистам обычно не хватает философской подготовки, а философы не знакомы с экономической наукой. Возможности, открываемые феноменологией для решения эпистемологических проблем праксеологии, вообще не были замечены⁵.

Но решение этих задач не является предметом настоящей статьи. Мы должны дать ответ тем критикам, которые обвиняют экономистов и историков в том, что те игнорируют факт «иррациональности».

«Деятельность» обозначает осознанное поведение или целенаправленное действие. Как таковое оно отличается от биологических, физиологических и инстинктивных процессов, происходящих внутри человеческих существ. Это поведение, которое может регулироваться и направляться волей и разумом. Его область совпадает со сферой, в которой человек волен оказывать влияние на ход событий. В той мере, в какой человек способен вызвать некий результат или некое изменение, он с необходимостью действует, независимо от того, делает ли он что-либо или воздерживается от этого. Бездеятельность, или пассивность, то есть невмешательство в положение вещей, является результатом выбора и, следовательно, представляет собой деятельность, если возможно иное поведение. Тот, кто терпит то, что он может изменить, тем самым действует — точно так же, как и тот, кто вмешивается в ход дел, чтобы достичь иного результата. Человек, который воздерживается от вмешательства в работу физиологических и инстинктивных факторов, на которые он может повлиять, также действует. Деятельность — это не только действие, но и в меньшей степени воздержание от действий, которые могли бы быть совершены.

³ Термин «праксеология» впервые использовал Альфред Виктор Эспинас [Espinass, 1890; 1897]; позже он был использован Евгением Слуцким [Slutsky, 1926].

⁴ См.: [Senior, 1872; Cairnes, 1875; Robbins, 1935; Mises, 1966, 1981; Schutz, 1967; Hayek, 1979].

⁵ Книга Йозефа Бака [Bach, 1929] — не лучший пример из-за плохого знания автором экономической теории. И все же она заслуживает более высокой оценки, чем получила в действительности.

Большая часть повседневного человеческого поведения является простой рутинной. Человек совершает определенные действия, не уделяя им особого внимания. Много он делает просто потому, что его с детства приучили это делать, потому, что другие люди делают то же самое, потому, что это является обычным в его среде. Он приобретает привычки, у него развиваются автоматические реакции. Но он позволяет себе следовать этим привычкам лишь по той причине, что доволен их последствиями. Как только человек обнаруживает, что привычное поведение может помешать достижению целей, которые он полагает более желательными, он меняет свою оценку такого поведения. Человек, выросший в местности, где вода чиста, приобретает привычку беззаботно пить, умываться и купаться. Когда он переезжает в местность, где вода заражена болезнетворными микробами, он будет уделять исключительное внимание процедурам, которыми раньше себя не утруждал. Он будет постоянно следить за своими действиями, чтобы не навредить себе, бездумно поддавшись автоматическим реакциям, выработанным его обычной практикой. Избавление от устоявшихся привычек — задача непростая. Это основной урок, который должны выучить все, кто стремится к достижениям, превышающим уровень масс. (Чтобы прекратить потребление вызывающих привыкание наркотиков, зачастую требуются лечебные процедуры.) Сам по себе тот факт, что действие осуществляется спонтанно — так сказать, в ходе обычного течения дел, — не означает, что оно не является следствием осознанного волевого акта. Послушное следование устоявшимся привычкам представляет собой деятельность в том случае, если для человека возможно иное поведение.

Деятельность есть реакция разума на стимулы, то есть на обстоятельства, в которые ставят человека природа и действия других людей. Как таковая она отличается от функциональной реакции органов, из которых состоит человеческое тело. Деятельность является продуктом человеческой воли. Конечно, мы не знаем, что такое воля. Мы просто называем *волей* способность человека выбирать между различными положениями вещей, предпочитать одно и отвергать другое, и мы называем деятельностью поведение, направленное на одно состояние и отказывающееся от другого. Деятельность — это позиция человеческого существа, стремящегося к определенным целям.

Праксеологию не интересует метафизическая проблема свободы воли, противопоставляемой детерминизму. Ее фундаментальная идея основывается на том неоспоримом факте, что человек способен выбирать между различными положениями дел, по отношению к которым он не безразличен и которые несовместимы друг с другом (то есть он не может воспользоваться ими одновременно). Праксеология не утверждает, что человеческий выбор независим от предшествующих обстоятельств, будь то физиологические или психологические. Она не ввязывается в обсуждение мотивов, определяющих выбор. Она не задается вопросом, почему покупатель предпочитает один фасон галстука

другому или автомобиль — телеге с лошастью. Она занимается выбором как таковым, с категориальными составляющими выбора и действия.

Праксеология не занимается и конечной целью человеческой деятельности. Эту проблему нам тоже придется рассмотреть ниже. Сейчас же мы лишь должны подчеркнуть, что праксеологии нет необходимости задаваться вопросом о конечных целях, а следует изучать лишь средства, применяемые для достижения любых целей. Это наука о средствах, а не о целях.

Исследование пригодности конкретных средств для достижения определенных целей в сфере практических занятий, основанное на знании законов природы, представляет собой задачу различных отраслей технических наук. Предмет же праксеологии не технологические проблемы, а категориальная сущность выбора и действий как таковых — с чистыми элементами постановки целей и применения средств.

Праксеология не основана на психологии и не является частью психологии. Называть современную теорию ценности психологической теорией — грубая ошибка, и связывать ее с психофизическим законом Вебера—Фехнера — значит создавать путаницу⁶.

Праксеология занимается выбором и деятельностью, а также их результатом. Психология изучает внутренние процессы, определяющие различные акты выбора в их конкретности. Вполне можно обойтись без знания того, может ли психология успешно объяснить, почему человек в конкретной ситуации предпочел красное синему, а хлеб — поэзии. В любом случае такое объяснение не имеет никакого отношения к отрасли знания, для которой конкретные акты выбора являются данностью, не требующей дальнейшего объяснения и анализа. Для праксеологии имеет значение не то, что именно человек выбирает, но сам тот факт, что он осуществляет выбор.

Мотивы и источники деятельности не имеют значения для праксеологического исследования. Для установления цены на шелк неважно, покупают ли его люди потому, что хотят защитить себя от холодной погоды, потому, что считают его красивым, или потому, что хотят увеличить свою сексуальную привлекательность. Важно лишь то, что существует спрос на шелк, имеющий определенную интенсивность.

Однако некоторые результаты, полученные современной психологией, могут представлять интерес для праксеологии. Когда-то было принято считать, что поведение лунатиков и невротиков довольно бессмысленно и «иррационально». Великой заслугой Джозефа Брейера и Зигмунда Фрейда является то, что они опровергли это мнение.

⁶ См.: [Weber, 1975. P. 21—36; Mises, 1966. P. 125—127 (рус. пер. С. 118—120)].

«Согласно психофизическому закону Эрнста Х. Вебера (1795—1878), минимальное воспринимаемое увеличение интенсивности человеческого ощущения всегда вызывается увеличением предшествующего уровня стимула в постоянной пропорции. Густав Т. Фехнер (1801—1887) сформулировал на основе этого результата закон Вебера—Фехнера, согласно которому для увеличения интенсивности ощущения в арифметической прогрессии необходимо увеличение интенсивности стимула в геометрической прогрессии» [Mises, 1974. P. 147]. — *Прим. ред. англ. изд.*

Невротики и лунатики отличаются от тех, кого мы называем вменяемыми и нормальными, в том, что касается средств, избираемых ими для достижения удовлетворения, и способов, используемых ими для получения этих средств. Их «технологии» отличны от тех, что применяют нормальные люди, но с точки зрения категорий деятельности их действия принципиально ничем не различаются⁷. Они стремятся к целям и применяют средства, чтобы достичь этих целей. Психически нездоровый человек, всё же сохранивший следы разума и не опустившийся в буквальном смысле до уровня животного, по-прежнему является действующим существом. Тот, в ком еще живы остатки человеческого ума, не может избежать необходимости действовать.

III

Всякое человеческое действие направлено на замену менее удовлетворительных условий более удовлетворительными. Человек действует потому, что чувствует беспокойство и полагает, что имеет возможность до какой-то степени уменьшить это беспокойство, вмешавшись в течение событий. У человека, совершенно удовлетворенного положением вещей, не будет стимула что-то менять; у него не будет ни желаний, ни вождлений, он не будет действовать, потому что он будет совершенно счастлив. Также не будет действовать человек, который, не будучи удовлетворен своими обстоятельствами, не видит возможности их улучшить.

Строго говоря, *целью* следует называть лишь увеличение удовлетворенности (уменьшение беспокойства); соответственно, все условия, которые ведут к такому увеличению, определяются как *средства*. В повседневной речи люди используют расплывчатую терминологию. Они называют целями то, что скорее следовало бы назвать средствами. Они говорят: «Этот человек имеет только одну цель — накопление богатства», — вместо того, чтобы сказать: «Он считает увеличение накопленного богатства единственным способом достижения большего удовлетворения». Если бы они использовали этот более адекватный способ выражения, они смогли бы избежать некоторых распространенных ошибок. Они осознали бы, что никто, кроме самого индивида, не может решать, что доставляет *ему* большее удовлетворение, а что — меньшее. Они понимали бы, что ценностные суждения полностью субъективны и что не существует состояния абсолютной удовлетворенности или счастья, не зависящего от желаний индивида, о котором идет речь. На самом деле тот, кто выносит суждение о предполагаемой цели, лишает ее статуса цели и низводит до статуса средства. Он оценивает ее с точки зрения [высшей] цели и спрашивает, является ли она подходящим

⁷ Для истории идей может представлять некоторый интерес то, что юный Фрейд участвовал в качестве переводчика в работе над немецким изданием собрания сочинений Д. С. Милля под редакцией Теодора Гомперца, австрийского историка древнегреческой философии. Брейер, как может подтвердить ваш покорный слуга, тоже был хорошо знаком со стандартным корпусом текстов по философии утилитаризма.

средством для достижения этой [высшей] цели. Но самая высокая цель или конечное назначение человеческой деятельности — это всегда удовлетворение желаний индивида. Нет никакого иного критерия большего или меньшего удовлетворения, кроме индивидуальных ценностных суждений, которые различны у разных людей и у одних и тех же людей в разное время. Что именно заставляет человека чувствовать беспокойство, а что уменьшает это беспокойство — всё это устанавливается каждым индивидом по критериям его собственных воли и суждений на основе его личных оценок. Никто не обладает способностью указывать, что именно может сделать другого человека счастливее. Врожденный дух нетерпимости и невротический «комплекс диктатора» побуждает людей легкомысленно списывать со счетов желания и стремления других людей. Тем не менее когда человек выносит суждение о целях и желаниях другого, он тем самым вовсе не провозглашает, каким образом можно было бы сделать этого другого более счастливым или менее недовольным; он лишь объявляет, какие условия жизни другого человека больше нравятся ему самому как внешнему наблюдателю и судье.

Положения эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма следует оценивать именно с этой точки зрения. Если придать терминам «счастье», «страдание», «удовольствие» и «полезность» формальный смысл, то все возражения, выдвинутые против этих школ, оказываются ложными. Счастье и удовольствие суть то, что люди считают таковыми; полезными являются те вещи, которые люди считают подходящими средствами для достижения преследуемых ими целей. Понятие «полезности», разработанное современной экономической теорией, означает способность предоставлять некие услуги, которые считаются полезными с некоей точки зрения. В этом состоит смысл аксиологического субъективизма [субъективизма в теории ценности] современной экономической теории. В этом же состоит тест на беспристрастность и научную объективность. Современная экономическая теория имеет дело не с *должным* (тем, что должно быть), а с *сущим* (тем, что имеет место быть). Например, ее предметом может быть объяснение формирования тех цен, которые есть, а не тех, которые должны быть или которые были бы, если бы люди действовали иначе, чем они действовали на самом деле.

IV

Праксеология не использует термин «рациональный». Она имеет дело с целенаправленным поведением, то есть с человеческой деятельностью. Противоположностью деятельности является не *иррациональное поведение*, а автоматическая реакция на стимул со стороны органов человеческого тела и инстинктов, не поддающихся волевому контролю. Если бы перед нами стояла задача придать определенное значение термину «рациональность» применительно к поведению, то единственное значение, которое удалось бы найти, состояло бы в следующем: это установка людей, стремящихся достичь неких результатов.

Термины «иррациональный» и «рациональный» обычно используются для вынесения суждений о конкретных способах действия. Действие называют иррациональным либо в том случае, когда высказывающий суждение о нем не одобряет его цель (то есть способ, каким действующий индивид желает достичь удовлетворения), либо тогда, когда он полагает, что использованные средства непригодны для достижения того непосредственного результата, на который они направлены. Но нередко квалификация действия как иррационального подразумевает похвалу; действия, направленные на альтруистические цели, вдохновляемые благородными мотивами и осуществляемые в ущерб собственному материальному благополучию, считаются иррациональными.

Нет нужды подробно рассматривать противоречия и логическую непоследовательность, порождаемые подобным словоупотреблением. Квалификация целей не имеет значения для праксеологии, которая есть наука о средствах, а не о целях. Смертным людям свойственно ошибаться, и совершенно очевидно, что они иногда выбирают средства, которыми нельзя достичь поставленной цели.

Отыскание верных средств для достижения определенных целей в области практических занятий есть задача технологии и медицины. Прикладная экономическая наука решает задачу нахождения средств, позволяющих достичь определенных целей в сфере общественного сотрудничества. Но если ученые допустят ошибку в ходе своих изысканий или если действующие люди не будут правильно применять рекомендованные средства, результаты могут не совпасть с ожиданиями действующих индивидов. Тем не менее деятельность, не соответствующая поставленной цели, все равно является деятельностью. Даже если мы назовем такие неподходящие и неблагоразумные действия *иррациональными*, мы по-прежнему должны будем квалифицировать их как целенаправленное поведение, и у нас не появится никаких причин отказываться от утверждения, что единственный способ их сущностного и категориального постижения дает нам праксеология.

Экономическая наука изучает не воображаемого *homo oeconomicus* — именно такое обвинение воспроизводится в укоренившихся мифах, — а *homo agens**, каковым человек на самом деле и является, пусть даже он слаб, глуп, нерешителен и плохо информирован. Для нее не имеет значения, можно ли квалифицировать его мотивы и эмоции как благородные или низкие. Экономическая теория не утверждает, что человек стремится только к материальному богатству для себя и для своей семьи. Ее теоремы нейтральны по отношению к конечным ценностным суждениям и верны для всех действий — независимо от их выгоды.

Исследование конкретных целей, к которым стремятся люди, и средств, которые они применяют для реализации своих планов, составляет сферу не праксеологии, а истории.

(Окончание следует)

* Человек действующий (лат.). — Прим. ред.

Ludwig von MISES (1881—1973)

The Treatment of “Irrationality” in the Social Sciences (Parts I—IV)

Abstract

Ludwig von Mises, an economic classic, analyzes the popular notions of rationality and irrationality and their usage in economics and social sciences. He criticizes the prevailing treatment of rationality of human action as its infallibility and the identification of rationality with purely “material” or pecuniary motivation and interest. In addition Mises presents his ideas on the wide range of issues in the sphere of methodology and epistemology of economics and other social sciences.

Key words: praxeology, Austrian economics, rationality, irrationality, theory and history, understanding, *Verstehen*, epistemology of economics, epistemology of the social sciences.

JEL: A10, A13, B25.

References

1. Aron R. *German Sociology*. Westport, CT: Greenwood Press, 1954 [1938].
2. Back J. *Die Entwicklung der reinen Ökonomie zur nationalökonomischen Wesenswissenschaft*. Jena: Gustav Fischer, 1929.
3. Cairnes J. E. *The character and logical method of political economy*, 2nd ed. London: Macmillan, 1875.
4. Espinas A. Les Origines de la Technologie. *Revue Philosophique*, 1890, vol. 30, no. 3, pp. 113-135.
5. Espinas A. *Les Origines de la Technologie*. Paris: F. Alcon, 1897, pp. 7ff.
6. Hayek F. A. *The counter-revolution of science*. Indianapolis, IN: Liberty Press, 1979 [1952]. [Рус. пер.: Хайек Ф. А. фон. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003.]
7. Mises L. von. *Human Action*, 3rd ed. Chicago: Henry Regenry, 1966. [Рус. пер.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012.]
8. Mises L. von. *Made easier: A glossary for Ludwig von Mises' Human action*. P.L. Greaves, Jr. (comp.). Dobbs Ferry, NY: Free Market Books, 1974.
9. Mises L. von. *Epistemological problems of economics*. N. Y.: New York University Press, 1981 [1933].
10. Parsons T. *The Structure of Social Action*. N. Y.: McGraw-Hill, 1937.
11. Robbins L. *An essay on the nature and significance of economic science*, 2nd ed. London: Macmillan, 1935.
12. Schutz A. *The phenomenology of the social world*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1967 [1932].
13. Senior N. W. *Political economy*, 6th ed. London: J.J. Griffen, 1872.
14. Slutsky E. Ein Beitrag zur formal-praxeologischen Grundlegung der Ökonomie. *Annales de la Classe des Sciences Sociales-économiques* (Kiev: Académie Oukraïenne des Sciences), 1926, vol. 4, pp. 3-12.
15. Weber M. *The City*. D. Martindale, G. Neuwirth (trans. and eds.). N. Y.: The Free Press, 1958. [Рус. пер.: Вебер М. История хозяйства: Город. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.]
16. Weber M. Marginal Utility Theory and the So-Called Fundamental Law of Psychophysics. *Social Science Quarterly*, 1975 [1905], pp. 21-36.